

Алена ЯВОРСКАЯ

И ожили катаевские фото

Для большинства людей детство — самое счастливое, самое беззаботное время, воспоминания о нем наполнены солнцем и морем, играми и друзьями. Но только писатель может подарить нам еще одно детство — то, что было с ним, проживаем и мы.

У Валентина Петровича Катаева было счастливое детство. Да, он пережил смерть матери, но была любящая семья, тетушка Елизавета, заменившая мать мальчикам, были друзья.

О своем детстве он писал дважды: когда ему было 39 лет — в повести "Белеет парус одинокий", в 75 — в повести "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона".

В первой у Пети Бачея один лишь друг Гаврик, внук рыбака. А вот во второй — целая компания, компания из Отрады, где с 1907-го по 1913 г. жила семья Катаевых.

В архиве у Валентина Петровича хранились две фотографии, снятые в Отраде. На первой, 1908 года — Валя и семейство Арнери: Джульетта, Петрик и Рафка. Позднее Олеша использует эту фамилию для доктора Гаспара из "Трех толстяков".

В "Волшебном роге Оберона" Катаев пишет драматическую историю, связанную с семьей Арнери и Мишей Галиком:

"Бегство маленькой обезьянки Дези, принадлежавшей Джульетте Арнери, о которой я уже упоминал в этой книге, происходило примерно так.

Когда я присоединился к толпе, то Дези, с оборванной цепочкой на ошейнике, кривлялась на вершухе самой старой из всех наших акаций и бросала вниз охапки сорванной листвы. Джулька молитвенно простирала к ней руки, пытаясь своей кокетливой улыбкой на смуглом итальянском личике заманить Дези вниз, на землю.

Все семейство Арнери стояло рядом с Джулькой — папа Арнери в сдвинутой набекрень фетровой шляпе-борсалино, мама Арнери в черном кружевном платке, накинута на красиво седеющие волосы, такие же кудрявые, как и у Джульки, и братья Арнери, мои друзья Рафка и маленький Петрик со своим трехколесным велосипедом, а также старшая сестра Нелли, неопишуемая красавица с раскрытыми кружевным зонтиком на плече.

Так как обезьяна не желала добровольно спуститься с акации на тротуар, то позвали дворника, который принес лестницу. Но едва он приставил ее к стволу акации — Дези, как гимнаст, перебралась на другое дерево и, осклаившись, издала злобный трескучий звук раздавливаемого ореха. Едва дворник прикоснулся к лестнице, желая переставить ее к другому дереву, Дези перелетела на уличный фонарь, скрючилась, поискала у себя немного в голове, а затем побежала по вершухе каменного забора и все с той же акробатической точностью продолжала перебираться по карнизам, водосточным трубам и балконам довольно высокого кирпичного дома Фесенко, пока не перебралась на крышу и оттуда бросила на преследователей презрительный взгляд своих полузакранных глаз с лазерными веками.

— Дези! Дези! Дезинька! — нежнейшим голосом звала Джулька.

Если бы Дези была человеком, то она, несомненно, немедленно спустилась с крыши в руки своей хозяйки, потому что Джулька была неотразима своим телесно-розовым ротиком и смугло-румяными щечками.

Но Дези была обезьяна и ничего этого не понимала. Наоборот, она даже как будто осклаивалась от Джулькиных притязаний, повернувшись спиной к Джульке, задраала хвост, чем и показала ей свое презрение.

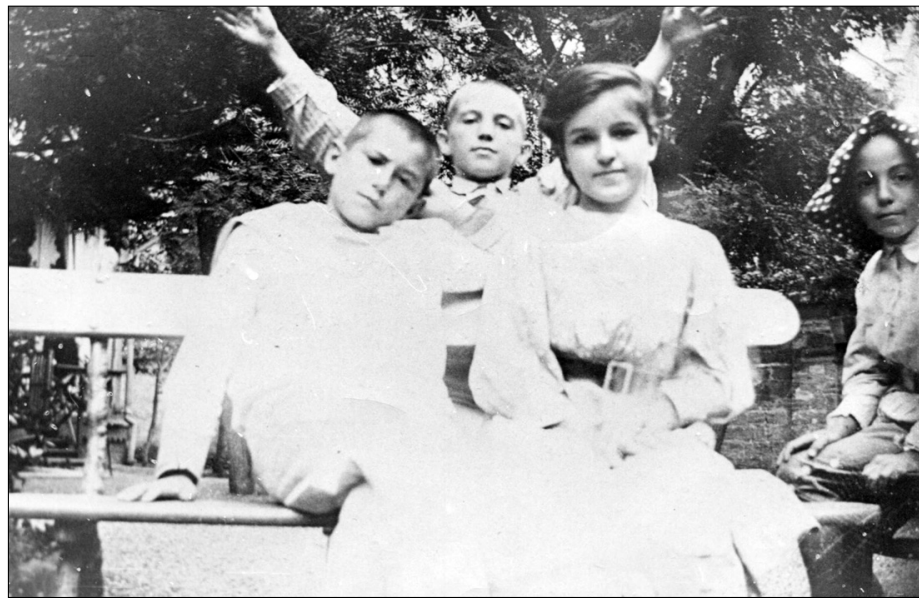
В это время подъехал на велосипеде Стасик Сологуб, прислонился вместе со своей машиной к дереву, подумал, посообразал, а затем сошел с велосипеда и мужественно полез по пожарной лестнице на крышу, вызвав всеобщее восхищение, но не долез, потому что зацепился за какой-то костыль и поврал свои узкие диагональные брюки со штрипками, так что все увидели его подштанники. Смущенный Стасик спрыгнул на землю и умчался домой на своем велосипеде под бурное улюлюканье всей нашей голоты.

С обезьяной возились долго.

Она перебиралась с крыши на крышу. Еще немного — и она бы прыгнула в приморский сад дачи Налбандовых, а оттуда вниз с обрыва, и тогда ищи свищи!

...но тут появился Мишка Галий, он же престо Галик...

Галик подошел своей цепкой черноморской походочкой к толпе, посмотрел вверх на обезьяну зорко прищуренными глазами шкипера, а затем сказал Джульке, что поймать Дези — плевое дело, надо лишь иметь восемь копеек. Семейство Арнери, посовещав-

шись, вручило Галику восемь копеек, и, подмигнув Джульке, Галик не торопясь удалился все той же своей знаменитой походочкой.

Он был в бобриковых лиловых штанах, откуда торчали его пыльные босые ноги.

Толпа видела, как в перспективе улицы Мишка Галий, звякнув дверным колокольчиком и нажав щеколду, вошел в бакалейную лавочку Коротынского и вскоре вышел оттуда, прижимая к груди фунт винограда, завернутого в грубую, дешевую, толстую бумагу. Не отвечая на вопросы, он сноровисто полез, перебирая босыми маленькими ногами по перекладинам пожарной лестницы, достиг уровня крыши и показал обезьяне гронку винограда, вынутую из фунтика. Обезьяна издала свой щелкающий звук, в два прыжка на трех длинных руках приблизилась к Мишке Галику и протянула к винограду человеческую коричневую ручку.

Однако Галик винограда обезьяне не дал, а медленно начал спускаться вниз, держа перед мордой зверька соблазнительную полупрозрачную кисть, насквозь пронизанную солнцем. Таким образом Мишка Галик, а за ним и обезьяна благополучно спустились на улицу, где Мишка молниеносным движением схватил Дези за хвост и, не обращая внимания на сердитые крики обезьяны, норовившей его укусить, подал Джульке животное; затем, сказав всего лишь одну фразу: "А виноград пойдет мне за работу!" — Галик удалился, окруженный голотой, кричавшей: — Мишка! Галик! Не будь жадным! Дай хотя бы одну гронку на всех!

...но Мишка Галий был неумолим...".

Вторую фотографию подарил музею уже после смерти В.П. Катаева его сын Павел. От отца он знал, что на ней два друга Катаева — Миша Галий и Евгений Запороженко. Имена остальных были неизвестны.

В Отраде и сегодня стоит одноэтажный особняк, построенный в начале века по проекту архитектора Дмитренко для семьи Запороженко. Там в десятые годы двадцатого века собиралась на веранде "голоты" — дружная отрядненская компания. А в восьмидесятые годы сюда же приходили музейные сотрудники. Речь зашла и о фотографии, переданной музею Павлом Катаевым. Евгений Ермилович рассказал мне, что фотографию сделал он сам — в 1909 году родители подали фотоаппарат. Позднее Запороженко отдал его Катаеву, когда тот уезжал на фронт в 1915-м. В ранних рассказах Катаева упоминался аппарат "Кодак", в который попали осколки бомбы.

Снимок сделан во дворе дома Запороженко, у задней стенки. Фотограф успел присоединиться к друзьям, оттого и стоял к краю.

— Почему нет братьев Катаевых?

— Их тогда в Одессе не было, — ответил Евгений Ермилович, — кажется, в Италию уехали. В Италии Петр Васильевич Катаев с сыновьями был в 1910 году.

Своих друзей Катаев перечисляет в "Волшебном роге Оберона":

"...я вышел погулять и увидел на одной из полянок Отрады осли, окруженного детьми.

Оказалось, осли отдавали напрокат: пять копеек за поездку вокруг полянки. Здесь были уже все мои друзья: Женька Дубастый, красавица Надя Заря-Заряничка, Мишка Галий, Жорка Мельников по прозвищу Кавунчик, Вася Овсянников по прозвищу Пончик, Джульетта Арнери, щеголь Стасик Сологуб, младшая сестренка Дубастого Тася, младший брат Стасика Янек, правда, не такой шикарный, как его брат Стасик, но тоже ничего

себе, наш Женька и не помню уже, кто еще.

Старик то и дело открывал свой кожаный кошелек и бережно клал в него пятаки. После каждой пробежки он поглаживал осли по серой бархатной морде. Уже почти вся наша компания успела покатасться. Я видел, как Женька Дубастый, заплатив пятак, взгромоздился на осли и лихо промчался по кругу, болтая ногами и делая приветственные жесты в сторону Нади Заря-Зарянички, которая, повернувшись в профиль, лишь снисходительно посмеивалась. Я предвкушал, как изящно вскочу верхом на осли и промчусь настоящим кавалерийским карьером вокруг полянки, весь собранный, строгий, неустрашимый, и уж, конечно, не буду расслабленно, как мешок, трястись на спине осли, болтая ногами, как Дубастый, а, надвинув козырек своей гимназической фуражки на глаза, как Печорин, даже не взглянув на Надю Заря-Заряничку, пусть знает, что мою любовь надо еще заслужить".

Итак, друзья Катаева, описанные в "Волшебном роге". Кто же из них на снимке?

Первый слева — Михаил Галий, по-уличному Галик. Он жил на улице Новорыбной, 5, во дворе направо. Его отец был рабочим, брат Иван — бухгалтером. Учился Галик в городском шестиклассном училище, учрежденном Г.С. Михайловым-Мучкиным, училище было на Большой Арнаутской, 68. Брат, как и написано в "Белеет парус одинокий", жил на Ближних Мельницах. По словам В.П. Катаева, Галий участвовал в гражданской войне, затем работал на джутовой фабрике, в 1937 году был арестован, дальнейшая судьба неизвестна.

Рядом с ним Валя (Воля). Фамилию точно Евгений Ермилович не вспомнил, вроде бы Соллогуб. Семья его жила в Отраде, на Ясной или Уютной. Воля учился в пятой гимназии, ушел в Добровольческую армию, погиб в 1919-м недалеко от границы с Румынией. В "Волшебном роге Оберона" он назван Стасиком.

"Все было хорошо, но как только на улице появлялся Стасик Сологуб, все делалось плохо. Девочки переставали обращать на нас внимание, игра в перебежку между стволами акаций сама собой прекращалась, и центром внимания делался Стасик. Он обычно выезжал из своего переулка на новеньком велосипеде марки "Дукс", ценю в сто десять рублей, и сперва несколько раз проезжал перед нами, снисходительно улыбаясь девочкам, которые млели при виде его молодцеватой посадки, его диагональных брюк со штрипками, работы хорошего портного, его твердого белоснежного воротничка с отогнутыми уголками и форменной фуражки с лакированным ремешком, который он для большего фасона натягивал на свой красивый подбородок".

Затем — Сергей Зарайковский по прозвищу Здрайка, жил на улице Уютной, 5. Его отец Дмитрий Петрович был капитаном первого ранга, служил на пароходах общества "Одесса". Учился Здрайка в пятой гимназии. В 1918-м семья эмигрировала, жили в Париже. Сергей работал таксистом, он поддерживал связь с Запороженко, вроде бы встречался с Катаевым в 1930-е гг. Умер в Париже в 1964 году.

Вместе со Здрайкой Валя жестоко подшутил над Соллогубом:

"Мою душонку охватывала жажда самого ужасного мщения. Мои чувства разделял мальчик-гимназист по кличке Здрайка — не помню его фамилии. Это именно Здрайке пришла в голову мысль, как отомстить Стасику и сбить с него фасон.

Прежде всего, для этого, как всегда, требовались деньги. Мы сложились со Здрайкой и приобрели в мелочной лавочке Коротынского предметы, необходимые для выполнения нашего адского плана. Были куплены коробка шикарных папирос "Зефир" фабрики "Лаферм" и за три копейки шутиха. Мы высипали из одной папиросы табак и вместо него насыпали в гильзу порох из шутихи, а сверху, чтобы не было ничего заметно, заделали гильзу табаком".

Крайний на фотографии — сам Запороженко по кличке Дубастый.

"Впрочем, тут же я понял, что делать одному модель Блерио будет скучно, а надо непременно найти себе помощника, и тут же мне почему-то представилось, что лучше Женьки — не моего брата, а другого Женьки, реалиста по прозвищу Дубастый — мне товарища не найти. И сейчас же, как по мановению волшебной палочки, на улице появилась фигура Женьки Дубастого, печально возвращавшегося из своего реального училища, где он схватил две двойки и был к тому же оставлен на час после уроков".

А Женька в действительности учился в училище Святого Павла и только в 1916-м был переведен в Одесское реальное училище. Он с детства мечтал стать корабельным инженером, потому и выбрал не гимназию с классическим образованием, а реальное училище. В 1917-м был призван на фронт, в 1918-м демобилизовался и поступил в Одесский политехнический институт, на кораблестроительное отделение. В 1919-м, после второго курса, был на практике на пароходе. В середине рейса пришло сообщение об установлении советской власти в Одессе. Капитан принял решение не возвращаться на родину. Запороженко жил во Франции, стал инженером-кораблестроителем, во время Второй мировой войны был в Сопротивлении. В 1930-е гг., во время поездок за границу, В. Катаев ему звонил, с 1950 г. они возобновляют переписку, а в 1956 году Евгений Ермилович вернулся в СССР. В одном из писем Катаев вспоминал, что в 1903 году, после того как семья Катаевых переехала на Маразлиевскую, 54, в их квартиру въехала семья Запороженко.

Кто же единственная девочка в мальчишеской компании?

До разговора с Е. Запороженко считалось, что девочка в матроске — прототип Нади Заря-Зарянички из "Волшебного рога".

Увы, мы так и не знаем, как выглядела Надя, Надежда Огонь-Догановская. Именно она, по словам Евгения Ермиловича, была прототипом Заря-Зарянички. Семья Огонь-Догановских тоже жила в Отраде, на Отрадной, 12. Генерал-майор Иван Платонович Огонь-Догановский был судьей военно-окружного суда. Надя училась в гимназии Беленде Баллю. Евгений Ермилович смутно помнил, что вроде бы после революции семья эмигрировала.

Девочка на фотографии — тоже ученица гимназии Беленде Баллю Ксения Собецкая. Рядом с ней — ее младший брат. Отец, Иван Максимович, был капитаном первого ранга, владельцем фирмы "И. Собецкий и Ко". После революции семья осталась в Одессе, отец в тридцатые годы был арестован, сведений о ее судьбе нет.

Шесть ребят на фотографии во дворе одного из домов Отрады.

Нет уже этих ребят, нет и той Отрады, но остались книги, в которых они живы и счастливы, влюбляются и дерутся, книги, наполненные светом детства. Книжки, написанные Валентином Петровичем Катаевым.